

Согласуемые и субстантивированные прилагательные в русских конструкциях с малыми числительными: экспериментальное исследование¹

Герасимова А.А.

МГУ им. М.В. Ломоносова, МПГУ

Лютикова Е.А.

МГУ им. М.В. Ломоносова, МПГУ, Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина

Agreeing and substantivized adjectives in Russian paucal constructions: An experimental study²

Gerasimova Anastasia

Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University

Lyutikova Ekaterina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow Pedagogical State University,
Pushkin State Russian Language Institute*

В статье рассматривается варьирование падежного оформления прилагательного в конструкциях с малыми числительными в русском языке. Предыдущие исследования позволяют предположить, что выбор падежной формы прилагательного определяется структурным статусом именной группы. С помощью двух лингвистических экспериментов показывается, что дистрибуция падежных форм прилагательного в контекстах, в которых количественная конструкция занимает беспадечную позицию, отличается от дистрибуции падежных форм в случае, когда количественная конструкция занимает аргументную позицию и контролирует согласование сказуемого. Хотя результаты экспериментального исследования подтверждают гипотезу о различном структурном статусе именных групп в русском языке, они также показывают, что однозначной корреляции между падежом прилагательного и структурным контекстом нет: в частности, в беспадечной позиции оказываются допустимы обе падежные формы.

This paper addresses the issue of case variation in Russian paucal constructions. Previous studies claim that the choice of the case marking on the adjectival constituent depends on the

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 16-18-02003 «Структура значения и ее отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализуемого в МПГУ.

² The study has been supported by Russian Scientific Foundation (RSF), project #16-18-02003 “Structure of meaning and its mapping into lexical and functional categories of Russian” at MPSU.

syntactic category of the paucal construction. Using experimental data we show that the distribution of case marking strategies differs for paucal constructions in the quantificational position, where it does not receive structural case, and in the argumental position, where it receives case and agrees with the predicate. Although the experimental data support the hypothesis about the variable status of Russian noun phrase, it also shows the absence of the one-to-one correspondence between case marking and structural context: in particular, in quantificational positions both cases are acceptable.

Ключевые слова: падеж, согласование, прилагательные, субстантивированные прилагательные, паукальные конструкции, варьирование, лингвистический эксперимент, русский язык.

Key words: case marking, agreement, adjectives, substantivized adjectives, paucal constructions, variation, linguistic experiment, Russian.

1. Падежные и числовые парадоксы в конструкциях с малыми числительными

Русские конструкции с малыми числительными, или паукальные конструкции, часто приводят в качестве примера непоследовательности и непредсказуемости морфосинтаксических правил. Наряду с общим для больших и малых числительных противопоставлением форм прямых (номинатива и аккузатива) и косвенных (всех прочих) падежей как управляющих генитивом существительного vs. согласующихся с ним по падежу (*увидел пять домов* vs. *владеет пятью домами*), паукальные конструкции демонстрируют целый ряд дополнительных идиосинкразий. А. М. Пешковский пишет: «Существительные³ *два, три* и *четыре* в свою очередь резко отличаются от всех других счетных существительных тем, что управляют род. пад. единственного числа (*два стола, три стола, четыре стола*), тогда как при всех остальных счетных словах употребляется согласно смыслу множественное число (*пять столов, сто столов, тысяча столов* и т.д.). Единственное число при таких словах, как *два, три* и *четыре*, где ясно указана множественность, представляется на первый взгляд очень странным и является характерным примером того,

³ Пешковский относит все числительные, кроме один, к категории существительных; паукальные числительные при этом представляют собой «идеальную помесь между прилагательным и существительным» (Пешковский 1914/1956: 437).

насколько грамматическое мышление может расходиться с логическим» [Пешковский 1914/1956: 438].

Несмотря на известное диахроническое объяснение — форма, в которой стоит существительное, представляет собой именительный падеж двойственного числа — это правило в синхронной системе языка создает значительные описательные сложности: «Странным представляется оно даже и в грамматическом отношении, так как управление ведь никогда не простирается на число управляемого существительного, а только на падеж его. Число у существительного, как мы уже знаем, — категория несинтаксическая. В данном же случае (и это единственный случай этого рода) она оказывается синтаксической, так как не имеет никакого самостоятельного значения, а употребляется исключительно по требованию слов *два, три и четыре*» [Пешковский 1914/1956: 438]. Неудивительно, что относительно формальных характеристик существительного в конструкции с малыми числительными нет единого мнения: академическая Русская грамматика [РГ 1980] считает данную форму генитивом единственного числа, однако имеются и альтернативные предложения: генитив «паукального» числа [Pereltsvaig 2010], «счетная форма» [Зализняк 1967], «паукальный падеж» [Rapaport 2002], бесчисловой генитив, то есть генитив «неопределенного» числа [Pesetsky 2013].

Требование специальной (числовой) формы существительного в конструкциях с малыми числительными нейтрализуется в контексте косвенных падежей: в (1b) формальные характеристики компонентов количественной конструкции идентичны при больших и малых числительных.

(1)	a.	три стола	/	пять столов
	b.	с тремя столами	/	с пятью столами

Дополнительные описательные сложности создает выбор формы адъективных компонентов паукальной конструкции. Во-первых, в контексте прямых падежей прилагательное, в отличие от существительного, всегда выступает в форме множественного числа (*увидел три новых дома / целых три гриба / последние три кадра*). Во-вторых, прилагательное демонстрирует падежную вариативность. Выбор падежной формы прилагательного, предшествующего числительному, определяется семантико-синтаксическими связями прилагательного: если прилагательное семантически модифицирует числительное и относится к классу преквантификаторов [Babby 1987] — *целых, добрых, каких-то три*

гриба, то оно имеет форму генитива; если же в сфере действия прилагательного находится вся количественная группа, то прилагательное демонстрирует прямой падеж: *последние, другие, определенные три кадра*. Значительно сложнее определить дистрибуцию двух падежных форм прилагательного, расположенного после числительного. Русская грамматика указывает, что согласуемое прилагательное может принимать форму или родительного, или именительного падежа. «Если в сочетание с числительным входит существительное мужского или среднего рода, то согласуемое прилагательное чаще ставится в форме родительного падежа множественного числа: *два знакомых человека, три больших дерева, оба строящихся здания* <...> Форма именительного падежа здесь возможна, но она отмечается реже и проявляет тенденцию к ограничению в употреблении: *два спасительные маяка* (Лермонтов); *два дряхлые старичка* (Тургенев); *два помещичьи дома* (Лермонтов); *оба проголодавшиеся приятеля* (Л. Толстой). Если в сочетание с числительным входит существительное женского рода, то нормальны обе формы прилагательного — и именительный, и родительный падеж: *две молодые женщины — две молодых женщины* ... [РГ 1980: § 1817].

Субстантивированные прилагательные демонстрируют такие же формальные характеристики, как атрибутивные [РГ 1980: § 1371]. В паукальных конструкциях они имеют форму множественного числа (*три насекомых, два мороженных*), субстантивированные прилагательные женского рода демонстрируют падежную вариативность (*две прачечных / прачечные, две возжатых / возжатые*).

На выбор между номинативом и генитивом в современном языке, согласно рекомендациям пособий по стилистике, влияют такие внутренние параметры паукальной конструкции, как морфологический разряд прилагательного, акцентный тип существительного и некоторые другие [Граудина и др. 1976; Голуб 1997; Розенталь 1998; Былинский, Розенталь 2011]. Так, например, указывается, что если формы именительного падежа множественного числа существительных женского рода отличаются по ударению от формы родительного падежа единственного числа (*гóры — горы́, скáлы — скалы́*), то прилагательное ставится в родительном падеже множественного числа: *две высоких горы́, две огромных волны́, две крупных слезы́, две сильных мужских руки́*. Притяжательные прилагательные на *-ин* и *-ов* ставятся в генитиве, а притяжательные прилагательные на *-ий, -ья, -ье* демонстрируют номинатив: *две медвежьи шкуры, две третьи премии*.

Впрочем, в [Шкапа 2011] на материале НКРЯ показано, что эти тенденции не подтверждаются количественными подсчетами. Единственная закономерность, которая отмечается в грамматических справочниках и явно прослеживается как в качественных, так и в количественных исследованиях [Граудина и др. 1976; Franks, Pereltsvaig 2004; Шкапа 2011] состоит в том, что при выборе формы номинатива в конструкции с малым числительным невозможно дефолтное предикативное согласование, ср. пример (2) из [Franks, Pereltsvaig 2004]:

- (2) В этом предложении ...
a. пропущены три запятые.
b. ?пропущены три запятых.
c. *пропущено три запятые.
d. пропущено три запятых.

М. В. Шкапа отмечает близкий к стопроцентному характер этой закономерности: «Синтаксически словосочетания с именительным падежом определения как минимум по одному параметру отличаются от словосочетаний с родительным падежом: первые в 97 % примеров требуют от глагола формы множественного числа, тогда как вторые в 25 % случаев допускают единственное число глагола». Примеров типа (2с) в НКРЯ встретилось всего 5 (один из них приводится в (3)).

- (3) Как видно из рисунка, в оптимальном варианте топологии к первоначальному каркасу присоединено три дополнительные линии [«Информационные технологии», № 10, 2003].

Утверждение о связи наличия / отсутствия предикативного согласования с выбором номинатива / генитива прилагательного в паукальной конструкции мы находим уже в грамматике А. Х. Востокова, где варьирование затрагивает и конструкции с существительными мужского и среднего рода: «Числительныя *два, три, четыре*, въ падежѣ именительномъ или винительномъ, когда сочинены съ глаголомъ безличнымъ и предшествуютъ существительному, при коемъ находится еще прилагательное, управляютъ родительным падежомъ прилагательнаго только имени, на вопросъ *сколько, какихъ?* а существительное остается в одномъ падежѣ съ числительнымъ; напр. *гъхало два Донскихъ казака. Поставлено два большихъ стола. Накрыто двѣ большихъ скатерти. У него есть четыре дома каменныхъ. Въ томъ домѣ было три круглыхъ окошка. Вылито полныхъ два ведра. Пройдетъ*

цѣлыхъ три недѣли. Но съ глаголомъ личнымъ, на вопросъ *кто? что? какіе?* прилагательное согласно въ падежѣ съ существительнымъ и съ числительнымъ; напр. *Бѣхали два Донскіе казака. Поставлены два большіе стола. Накрыты двѣ большія скатерти. Онъ купилъ четыре дома каменные. Велѣлъ сдѣлать три круглыя окошка. Пройдутъ цѣлыя три недѣли*» [Востоков 1831: § 127]. Корреляцию генитива с выражением количества отмечает и А.М. Пешковский: «... в *три красивые коня* преобладает качественный оттенок, а в *три красивых коня* — количественный» [Пешковский 1914/1956: 440]. В [Розенталь 1998: § 193] указывается, что «... на выбор формы определения может оказать влияние форма сказуемого; ср.: *Разыграны три золотые медали*. — *Разыграно три золотых медали*»; то же верно и для выбора формы субстантивированного прилагательного: *Были зафиксированы две ничьи*. — *Было зафиксировано две ничьих*.

Еще одно наблюдение, связанное с влиянием внешнего синтаксического контекста на выбор формы прилагательного, касается предпочтения формы генитива в предложной конструкции. В [Розенталь 1998; Былинский, Розенталь 2011] отмечается, что в контексте некоторых предлогов (например, дистрибутивного предлога *по*) предпочтительна форма генитива: *по две чайных ложки*. Поиск в НКРЯ, на первый взгляд, не подтверждает этой закономерности: из 150 конструкций, имеющих форму «*по + два/три/четыре* в форме именительного или винительного падежа + прилагательное в форме множественного числа + существительное женского рода»⁴, 85 содержат прилагательное в номинативе и 65 — в генитиве. Тем не менее, сравнение распределения форм прилагательных в контексте дистрибутивного предлога *по* и направительного предлога *на* позволяет говорить о том, что предлог *по* благоприятствует появлению генитива (*критерий хи-квадрат, p < 0,001*): из первых 152 полученных при поиске контекстов для направительного *на* 127 содержат прилагательное в номинативе и 25 — в генитиве.

Таблица 1. Распределение падежных форм прилагательного в предложных паукальных конструкциях с существительными женского рода (НКРЯ)

	номинатив (<i>большіе</i>)	генитив (<i>больших</i>)	всего
--	---------------------------------	-------------------------------	-------

⁴ Поисковый запрос: **по** на расстоянии 1 от **два|три|четыре** (**nom | acc**) на расстоянии 1 от **А, pl** на расстоянии 1 от **С, f**.

<i>по</i> дистрибутивное: <i>по две / три /</i> <i>четыре ... ложки</i>	85	65	150 (вся релевантная выдача)
<i>на</i> направительное: <i>на две / три /</i> <i>четыре ... группы</i>	127	25	152 (релевантная выдача с первых 16 страниц)

Определить влияние предложных контекстов на дистрибуцию падежных форм субстантивированных прилагательных женского рода по корпусу проблематично: соответствующие конструкции (*по две возжатых / возжатые*) в НКРЯ практически не встречаются.

2. Падежная форма прилагательного и падеж количественной группы

В работах А. М. Перельцвайг и Е. А. Лютиковой [Pereltsvaig 2006, 2007; Franks, Pereltsvaig 2004; Лютикова 2010, 2015, 2018; Лютикова, Перельцвайг 2015] развивается гипотеза о вариативном структурном статусе русских именных групп. В частности, предполагается, что, наряду с именными группами полной структуры, представляющими собой группу определителя (DP), в русском языке представлены и именные конструкции малой структуры (Small Nominals), среди которых, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы числа (QP).

В [Pereltsvaig 2006] исследуется противопоставление DP и QP в одинаковых синтаксических позициях. Вопреки тезису Лонгобарди о заполнении аргументных позиций исключительно именными составляющими категории DP [Longobardi 1994], в русском языке именные группы, меньшие, чем DP, возможны как минимум в двух аргументных позициях — подлежащего и прямого дополнения. Особенно показательно сопоставление в позиции подлежащего контролирующих и не контролирующих предикативное согласование количественных групп, которые Перельцвайг ассоциирует, соответственно, с DP и QP (4a–b). Основанием для такой ассоциации может послужить тот факт, что в присутствие элементов левой периферии (например, указательных местоимений) слева от числительного предикативное согласование становится обязательным (4c).

- (4) a. [DP[QR Пять хирургов]] оперировали Джеймса Бонда.
 b. [QR Пять хирургов] оперировало Джеймса Бонда.
 c. [DP Эти [QR пять хирургов]] оперировали / *оперировало Джеймса Бонда.

DP и QR в позиции подлежащего отличает целый набор семантических и синтаксических параметров. Так, QR, в отличие от DP, не могут иметь сферы действия более широкой, чем поверхностная (т. е. соответствующая их линейной позиции), специфической или партитивной интерпретации. С грамматической точки зрения QR ведут себя не вполне «как аргументы» — в частности, они не могут контролировать анафору и PRO в актантных и целевых инфинитивных оборотах, а также в деепричастных оборотах и малых клаузах, ср., например, (5):

- (5) a. Пять бандитов лежали на земле [PRO убитые].
 b. *Пять бандитов лежало на земле [PRO убитые].

Те же семантические и синтаксические особенности обнаруживают и QR-дополнения при глаголах с кумулятивным префиксом *на-*. Это значит, что семантико-синтаксическое своеобразие не вызывающих предикативного согласования подлежащих связано не с их позицией (как, например, у предглагольных vs. заглагольных подлежащих в испанском языке или у дополнений внутри и вне глагольной группы во французском языке), а с их собственной природой. Следовательно, составляющая *пять бандитов* в (5a) отличается от составляющей *пять бандитов* в (5b). Сравнение примеров (4b–c) указывает направление, в котором можно продолжать поиски объяснения корреляции падежа согласуемого или субстантивированного прилагательного с предикативным согласованием (2a–d). Естественно предположить, что в (4b) сказуемое не согласуется с подлежащим, а происходит означивание признаков лица, числа и рода по умолчанию⁵. Учитывая существующую во многих языках, в том числе и русском, связь между предикативным согласованием и получением падежа подлежащим, можно задаться вопросом, какой падеж имеет

⁵ Альтернативный вариант анализа, в соответствии с которым QR *пять бандитов* имеет признаки 3 лица единственного числа и среднего рода, должен быть отвергнут, поскольку при сочинении двух QR образующаяся конструкция по-прежнему способна сочетаться со сказуемым с признаком единственного числа (*Пять бандитов и шесть полицейских лежало на земле*), что невозможно при сочинении именных групп, обладающих признаком числа (*Маша и Даша лежали* / **лежала на земле*).

подлежащее в (4b). Традиционная грамматика считает, что этот падеж именительный, однако, как мы видим в (4с), появление в именной группе любых преквантификаторов, сигнализирующих об именительном падеже, исключает возможность дефолтного предикативного согласования. Остается заключить, что QR в (4с) является беспадежной.

Если предикативное согласование означает наличие DP, то парадигма в (2a–d) показывает, что номинатив прилагательного возможен только в DP. Следовательно, он сигнализирует о наличии структурного падежа и отличает падежную форму номинатива от беспадежной⁶:

- (6) В этом предложении ...
- a. пропущены [DP [QR три запятые]].
 - b. ?пропущены [DP [QR три запятых]].
 - c. *пропущено [DP [QR три запятые]].
 - d. пропущено [QR три запятых].

Таким образом, в русской паукальной конструкции падеж согласуемого прилагательного с существительным женского рода или падеж субстантивированного прилагательного женского рода может служить внутренней диагностикой структурного статуса именной группы (DP / QR) и наличия у нее структурного падежа.

Гипотеза об отсутствии синтаксического падежа у QR имеет интересные следствия для анализа конструкций с «исчезающей одушевленностью», таких как в (7):

- (7)
- a. принял на два пациента / *двух пациентов больше
 - b. стоял через три человека / *трех человек от меня
 - c. заплатил за жену два барана / *двух баранов
 - d. численность составляет четыре ребенка / *четырёх детей
 - e. в каждый отряд назначили по два вожатых / *двух вожатых

Примеры в (7a–d) с синтаксической точки зрения объединяет то, что предлоги и глаголы в них обычно приписывают своим дополнениям аккумулятив (*принял на одного пациента больше*), однако, если их дополнением оказывается конструкция с малым числительным,

⁶ Заметим, что Д. Песецкий [Pesetsky 2013] также увязывает номинатив прилагательного с наличием D и приписыванием признака DNOM именной группе. У Песецкого за альтернативу отвечает факультативный характер Quant-to-D передвижения в случае, если паукальное числительное (вернее, морфема паукального числа) перед этим передвинулось в Quant.

различающая «одушевленный» и «неодушевленный» аккузатив в других употреблениях (*увидел три картины, но увидел трёх девочек*), в контексте данных лексем одушевленность не реализуется, и мы наблюдаем форму не генитива, а номинатива, как у неодушевленных именных групп [Rapraort 2003]. К этим предлогам и глаголам примыкает дистрибутивный предлог *по*, который также присоединяет количественную конструкцию с малым числительным в форме, которая может интерпретироваться как номинатив или неодушевленный аккузатив [Harves 2002, 2003].

С семантической точки зрения выражения, заполняющие аргументную позицию этих предлогов и глаголов, нереферентны и выражают идею количества. И. А. Мельчук [Мельчук 1980, 1985] объединяет такие предлоги, послелого и глаголы при помощи особого синтаксического признака «колич(ественный)» и постулирует в таких конструкциях «обязательное рассогласование S и N по одушевленности» (полные списки этих единиц см. в работах [Мельчук 1980, 1985; Микаэлян 2012; Mikaelian 2013]). Связь такого рассогласования и количественного (измерительного) значения конструкции, однако, при таком подходе необъяснима.

Если же гипотеза о допустимости беспадежных аргументных составляющих в русском языке верна, то мы получаем возможность объяснить связь между значением и формой конструкций в (7). Опираясь на ярлыками фразовой структуры, можно сказать, что перечисленные вершины избирательны в отношении категориального статуса своего аргумента и имеют тенденцию соединяться с QR. Поскольку QR не обладает синтаксическим признаком падежа, она остается беспадежной. С морфологической точки зрения она выглядит как номинативная, однако это такая же беспадежная составляющая, как QR в (4b). Таким образом, конструкции с «исчезающей одушевленностью» на самом деле следует анализировать как конструкции с «исчезающим падежом».

Возвращаясь к обсуждавшимся в разделе 1 внешним контекстам, благоприятствующим выбору генитива прилагательного в паукальных конструкциях, заметим, что приводимые в справочных пособиях примеры с предложными группами включают как раз те предлоги, которые имеют количественное значение. Можно предположить, что дистрибуция падежных форм прилагательного в количественной конструкции, занимающей позицию подлежащего в предложении с дефолтными признаками сказуемого, и дистрибуция падежных форм прилагательного в количественной конструкции, занимающей позицию дополнения «количественного» предлога, будут одинаковы, и при этом отличны от

дистрибуции падежных форм прилагательного в количественной конструкции, занимающей позицию подлежащего в предложении с согласуемым сказуемым.

Для проверки этого предположения и для уточнения данных о морфосинтаксических характеристиках субстантивированных прилагательных в паукальной конструкции была проведена серия лингвистических экспериментов, описание которых предлагается в следующем разделе.

3. Экспериментальное исследование

Чтобы установить, какие параметры определяют выбор падежа прилагательного в паукальных конструкциях, было проведено два лингвистических эксперимента. Мы использовали две методики: дополнение предложения путем раскрытия скобок и методику извлечения суждений о приемлемости предложений.

В первом эксперименте мы исходили из предположения о том, что, когда респондент ставит конструкцию в падеж при выполнении экспериментального задания, он руководствуется теми же принципами, что и при самостоятельном порождении конструкции в устной речи. Основная критика методик дополнения предложения связана с тем, что при выполнении задания респондент оценивает вероятность того или иного варианта из ограниченного множества альтернатив. Другими словами, он оценивает приемлемость варианта в конкретных условиях [Stowe, Kaan 2006]. Сторонники этой позиции утверждают, что такая оценка приемлемости не сопоставима с тем выбором, который респондент делает в ситуации общения. Однако в нашем случае задание было сформулировано таким образом, что возможный ответ респондента не ограничивался изучаемой конструкцией. В результате мы получили данные о частотном распределении номинатива и генитива для прилагательных в различных контекстах. Во втором эксперименте мы собирали оценки приемлемости для двух стратегий падежного маркирования. Таким образом, использование двух методик позволило нам получить данные как о порождении, так и о понимании конструкции.

В эксперименте мы исследовали падежное маркирование субстантивированных прилагательных женского рода, а также прилагательных, согласуемых с существительными женского рода. Список субстантивированных существительных был составлен на основании обратного словаря А. А. Зализняка [Зализняк 1977] и был сбалансирован по частотности. Поскольку одушевленных

субстантивированных существительных, которые употребляются только в женском роде, ограниченное количество (*горничная, новобрачная*), мы также использовали субстантивированные прилагательные, которые могут выступать в мужском роде (*знакомая, дежурная, служащая, ведущая*). При этом мы исключили из рассмотрения субстантивированные прилагательные — наименования животных (*гончая, борзая* и т.п.), поскольку они отличаются от наименований людей в типологическом плане. И существительные, и субстантивированные прилагательные были сбалансированы по одушевленности. В экспериментах мы использовали следующие неодушевленные субстантивированные прилагательные: *закусочная, прачечная, ванная, запятая, кондитерская, гостиная*.

Нас интересовало падежное маркирование прилагательных в конструкциях с малыми числительными в трех контекстах: аргументная позиция, в которой конструкция с малым числительным согласуется со сказуемым (контекст DP); беспадёжные позиции, а именно контекст с дефолтным предикативным согласованием (контекст QR) и контексты конструкций с «исчезающей одушевленностью»: дистрибутивного предлога *по* и сравнительного предлога *на* (контекст RP). Кроме того, мы контролировали параметр одушевленности существительного или субстантивированного прилагательного. Таким образом, в эксперименте было три фактора (тип прилагательного, контекст, одушевленность), 12 экспериментальных условий. Всего было составлено 24 стимульных предложения, по два предложения на условие. Все предложения были сбалансированы по длине.

В первом эксперименте респондентам были представлены предложения, в которых на месте конструкций с малыми числительными в скобках было число (от 2 до 4) и прилагательное с существительным или субстантивированное прилагательное в единственном числе. Единственное число прилагательного было выбрано, чтобы избежать эффекта прайминга номинатива, который мог бы возникнуть в ситуации множественного числа. Поскольку в эксперименте на порождение мы не ограничивали интерпретацию числа, респонденты могли использовать в своих ответах собирательные числительные (напр., *четверо дежурных, двое новобрачных*). Отметим, что экспериментальное задание было составлено таким образом, чтобы в тех случаях, когда допускается использование субстантивированного прилагательного в мужском роде, респонденту было понятно, что требуется использовать женский род. Примеры стимульных предложений для двух типов прилагательных и различных контекстов представлены в (8)–(10):

- (8) Контекст DP
а. **(3, ведущая)** приняли участие в благотворительном марафоне.
б. **(4, весёлая подружка)** на задней парте обсуждали планы на выходные.
- (9) Контекст PP
а. В этом году в общежитии работает на **(3, дежурная)** больше, чем в прошлом.
б. На сцене было на **(2, греческая богиня)** больше, чем в пьесе.
- (10) Контекст QR
а. На интервью для новостного сюжета было приглашено сразу **(4, служащая)**.
б. На афише нового спектакля было нарисовано **(2, прекрасная женщина)**.

Во втором эксперименте респондентам предлагалось оценить предложения с конструкциями с малыми числительными, в которых прилагательные стояли в номинативе или в генитиве, по шкале Ликерта от 1 до 5. Относительно предыдущего эксперимента набор условий увеличился в два раза за счет добавления фактора падежа. В эксперименте использовались все предложения из первого эксперимента, а также 24 предложения, составленные дополнительно.

В эксперименте на порождение приняло участие 106 респондентов (средний возраст: 21; мин. возраст 15, макс. возраст 49; 82 женщины и 24 мужчины). В эксперименте на оценку приемлемости участвовало 57 респондентов — участников первого эксперимента (средний возраст: 21; мин. возраст 17, макс. возраст 37; 43 женщины и 14 мужчин).

Результаты эксперимента на порождение показывают, что в аргументной позиции (контекст DP) прилагательные значимо чаще кодируются номинативом; в беспадежной позиции (контексты QR и PP) субстантивированные прилагательные допускают оба варианта, а согласуемые прилагательные кодируются преимущественно генитивом (для оценки различий использовался *критерий хи-квадрат*, $p < 0,01$). Другими словами, получается, что при дефолтном предикативном согласовании (QR) выбор формы номинатива с малым числительным оказывается допустимым (*пропущено три запятые*). Интересно, что такие результаты расходятся с результатами предыдущих исследований [Franks, Pereltsvaig 2004; Шкапа 2011]. Одушевленность влияет на выбор

падежа только в контексте РР: неодушевленное субстантивированное прилагательное или существительное увеличивает вероятность маркирования номинативом (*точный критерий Фишера*, $p < 0,01$).

Рис. 1. Частотное распределение номинатива и генитива для субстантивированных прилагательных в паукальных конструкциях.

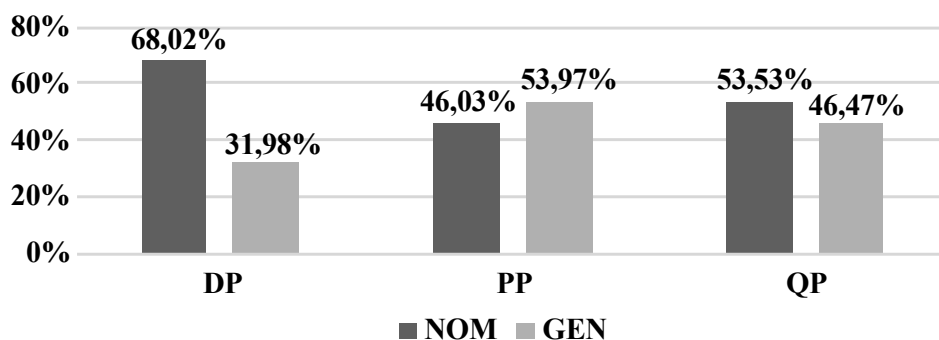
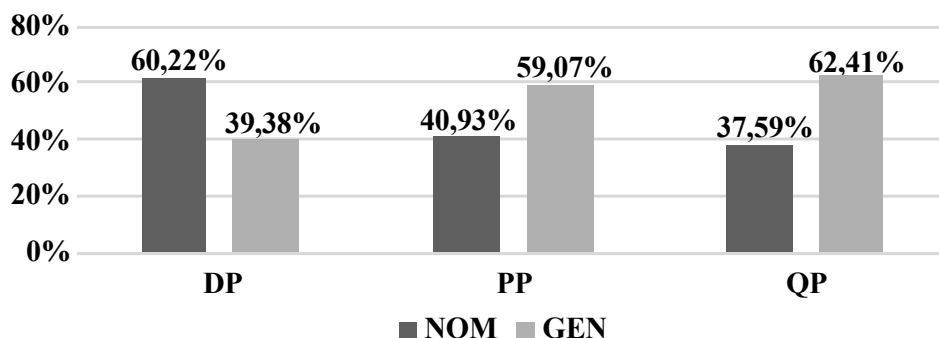

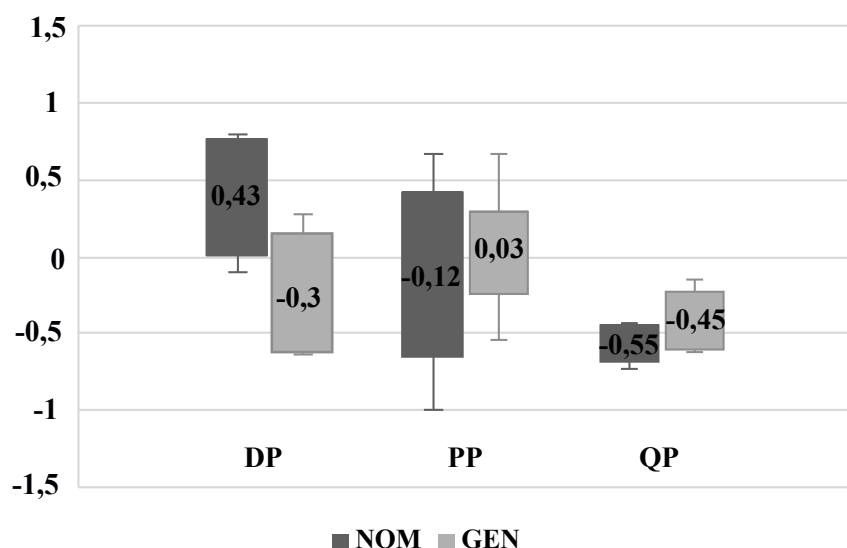
Рис. 2. Частотное распределение номинатива и генитива для прилагательных, модифицирующих существительные женского рода, в паукальных конструкциях.

Что касается оценок, то в аргументной позиции (DP) номинатив оценивается как значимо более приемлемый вариант, нежели генитив (*t-критерий Стьюдента*, $p < 0,01$). В беспадежных позициях (QP и РР) оценки номинатива и генитива значимо не отличаются. Таким образом, в контекстах QP и РР для несубстантивированных прилагательных результаты двух экспериментов не совпадают. При порождении использовался преимущественно генитив; в то же время при оценке оба варианта оказались допустимыми, хотя для оценок номинатива в контексте РР отмечается большое значение дисперсии.

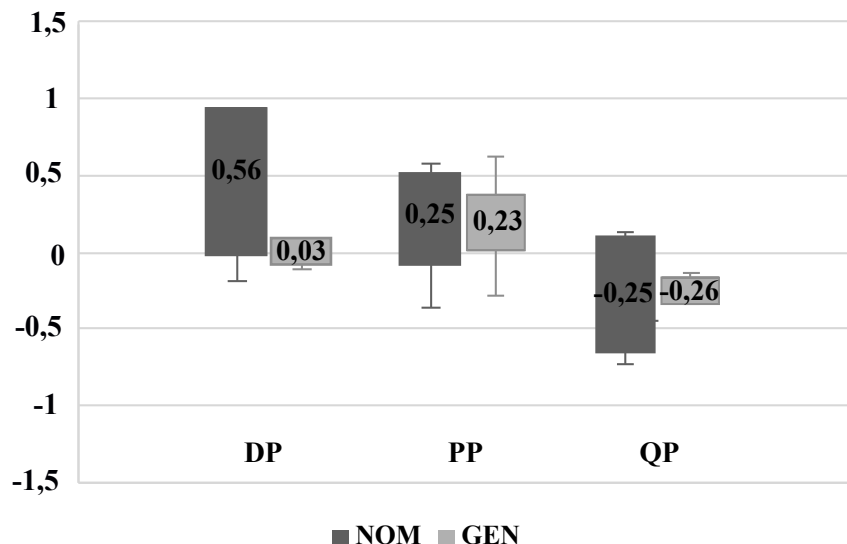
Отметим, что номинатив прилагательного оказывается наиболее приемлемым в аргументной позиции (контекст DP). Генитив оказывается наиболее приемлемым в контекстах с исчезающей одушевленностью (контекст PP). Заметим также, что в целом предложения с контекстом QP оцениваются как менее приемлемые по сравнению с предложениями с контекстом PP. Можно предположить, что это связано с лицензированием дефолтного предикативного согласования в этом контексте. Если рассматривать дефолтное согласование как не увенчавшуюся успехом попытку согласования (failed agreement, [Preminger 2014]), то снижение оценок может быть следствием дополнительной нагрузки на когнитивную систему, связанной с необходимостью реанализа формы сказуемого как дефолтной, а не согласуемой.

Рис. 3. Средние нормализованные⁷ оценки приемлемости номинатива и генитива для субстантивированных прилагательных в паукальных конструкциях.

⁷ Ответы респондентов по-разному распределяются на шкале оценок приемлемости: например, некоторые респонденты могут последовательно избегать крайних оценок, другие могут никогда не выбирать среднее значение. Чтобы избежать влияния шкалы каждого конкретного респондента, все ответы были приведены к нормальной форме (z-score transformed). Нормализованная оценка вычисляется как разница текущей оценки и средней оценки по всем ответам респондента, деленная на стандартное отклонение для всех оценок респондента.

Рис. 4. Средние нормализованные оценки приемлемости номинатива и генитива для прилагательных, модифицирующих существительные женского рода, в паукальных конструкциях.

Интересно, что в контекстах с «исчезающей одушевленностью» (контексты PP) одушевленность реализуется в 20% ответов в предложениях с дистрибутивном *по* и в 3,6% ответов в предложениях со сравнительным *на*: *встретили на двух новобрачных больше, работает на четырех дежурных меньше, на четырех/четыре старательных учениц, на двух/две греческих богинь, посадил по три деревенских девчушек, встречал по две избалованных принцесс*.

Поскольку обнаружилось несовпадение результатов двух экспериментов, мы решили оценить последовательность респондентов в двух экспериментах относительно экспериментальных условий. Чтобы оценить последовательность респондентов, мы учитывали следующие данные: а) какой вариант респондент использовал в первом эксперименте (номинатив, генитив или нечто другое), б) какой из двух вариантов респондент в среднем оценил как более приемлемый. Оказалось, что респонденты непоследовательны в выборе падежного маркирования в эксперименте на порождение и выставлении оценок соответствующим вариантам (Таблица 2). В частности, лишь в 39% случаев один и тот же вариант был использован при порождении и оценен как наиболее приемлемый.

Таблица 2. Последовательность респондентов в двух экспериментах

Стратегия А. Вариант, используемый при порождении, оценивается как наиболее приемлемый	39%
Стратегия Б. В одном эксперименте используются/оцениваются как приемлемые обе альтернативы, в другом эксперименте предпочтение отдается какому-то одному варианту	37%
<i>Оба варианта использованы при порождении</i>	23%
<i>Оба варианта равно приемлемы</i>	14%
Стратегия В. В двух экспериментах предпочитают различные варианты.	24%

Примечательно, что эксперимент на порождение допускал большую вариативность, чем эксперимент на оценку приемлемости. Тем не менее, расхождение в результатах, которое мы наблюдаем для прилагательных, модифицирующих существительные женского рода в контекстах РР и QР, имеет обратную направленность: в эксперименте на порождение предпочтение отдается одному варианту, а в эксперименте с извлечением суждений оценки для двух вариантов оказываются статистически неразличимы.

4. Выводы

Итак, с помощью двух лингвистических экспериментов мы исследовали зависимость падежной вариативности прилагательного в паукальной конструкции от синтаксического контекста. Поскольку в русском языке именные группы обладают вариативным структурным статусом, мы рассмотрели три контекста, в которых реализуется противопоставление именных групп полной и малой структуры. Мы предположили, что дистрибуция падежных форм прилагательного будет сходной в количественных конструкциях при дефолтном предикативном согласовании (QР) и в предложных конструкциях с «исчезающей одушевленностью» (РР), то есть контекстах, в которых паукальная конструкция занимает беспадечную позицию. Кроме того, мы предположили, что дистрибуция падежных форм прилагательного в двух названных случаях будет отлична от дистрибуции падежных форм в аргументной позиции с согласуемым сказуемым (DР).

Экспериментальное исследование подтвердило наши предположения. Эксперимент на порождение показал, что частотное распределение вариантов значительно отличается для контекста DР и контекстов QР и РР: если в первом случае преобладает употребление номинатива, то в двух

других контекстах для согласуемых прилагательных чаще используется генитив, а для субстантивированных прилагательных альтернативы оказываются равновероятными. Результаты эксперимента по извлечению суждений также демонстрируют противопоставление контекстов: в контексте DP предпочтение отдается номинативу, в то время как в контекстах QR и PP падежные формы получают равные оценки приемлемости.

Полученные результаты не совпадают с данными корпусных исследований. В частности, наши данные показывают, что форма номинатива прилагательного оказывается допустима при дефолтном предикативном согласовании. Таким образом, мы можем критически оценить тезис о том, что падежная форма прилагательного могла бы служить диагностикой наличия у именной группы структурного падежа. Связь между падежной формой и контекстом оказывается не столь тривиальной: контексты с дефолтным предикативным согласованием, в которых именная группа находится в беспадежной позиции и имеет малую структуру, допускают как генитив, так и номинатив прилагательного.

В части предыдущих исследований также предполагалось, что на выбор между двумя падежными формами согласуемого прилагательного влияет акцентный тип существительного. В экспериментальном исследовании мы использовали только существительные с неподвижным ударением на одном и том же слого основы (напр. *ученица*, *девушка*, *ошибка*, *дорога*). Заметим, что постоянство акцентного типа существительных не исключило вариативность падежных форм прилагательных.

Кроме того, подтвердилось предположение об особом статусе именной группы в контексте «количественных» предлогов — дистрибутивного *по* и сравнительного *на*. Результаты эксперимента показали, что распределение падежных форм и оценки их приемлемости при дистрибутивном предлоге *по* и сравнительном предлоге *на* значимо не отличаются.

Важно отметить, что хотя грамматики предсказывают, что грамматическое поведение субстантивированных прилагательных не отличается от поведения атрибутивных прилагательных в паукальных конструкциях, результаты эксперимента показывают, что это не так. В частности, отличия наблюдаются в беспадежных позициях (PP и QR) в эксперименте на порождение: в случае прилагательных, согласуемых с существительными женского рода, носители чаще использовали генитивную форму, в то время как в случае субстантивированных прилагательных два падежа встречаются с равной частотой. Это

наблюдение, несомненно, будет востребовано как одна из возможных диагностик лексикализации субстантивированных прилагательных.

Наконец, в рамках экспериментального исследования мы столкнулись с интересной методологической проблемой, которая касается сопоставления результатов двух экспериментальных методик. Оказалось, что результаты двух экспериментов не совпадают для согласуемых прилагательных в паукальных конструкциях в беспадежных позициях (QR и PP). Поскольку мы предполагаем, что и при порождении языкового выражения, и при вынесении суждения носитель оперирует одним и тем же множеством грамматических ограничений, подобное несовпадение результатов двух методик может свидетельствовать о происходящих в языке изменениях.

При вынесении суждения о приемлемости у респондента помимо языковых когнитивных механизмов задействуются когнитивные механизмы, отвечающие за осознание собственной реакции на предложение и проекцию этой реакции на некоторую шкалу. В связи с этим процесс вынесения суждения может быть более контролируемым, чем порождение языковых выражений. Хотя мы не обладаем достаточными диахроническими данными, можем предположить, что генитив постепенно становится более употребительным для согласуемых прилагательных, но этот факт пока не осознается носителями языка. Такое направление изменений не является обязательным, но оно соответствует общему поведенческому принципу экономии: наличие в языковой системе нескольких конкурирующих вариантов требует больше ресурсов, чем существование единственного способа выражения значения.

Литература

- Babby 1987 — Babby L. Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian. *Natural language and linguistic theory*. 1987. No. 5. Pp. 91–138.
- Franks, Pereltsvaig 2004 — Franks S., Pereltsvaig A. Functional categories in the nominal domain. *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics 12. The Ottawa Meeting 2003*. Arnaudova O., Browne W., Rivero M.-L., Stojanovic D. (eds.). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2004. Pp. 109—128.
- Harves 2002 — Harves S. A. *Unaccusative syntax in Russian, general and Slavic linguistics*. Ph. D. dissertation. Princeton University, 2002.

- Harves 2003 — Harves S. Getting impersonal: Case, agreement, and distributive po-phrases in Russian. Brown W., Kim Ji-Yung, Partee B., Rothstein R. (eds). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst meeting*. Ann Arbor, MI: Slavica, 2003. Pp. 235–254.
- Longobardi 1994 — Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and logical form. *Linguistic Inquiry*. 1994. Vol. 25. No. 4. Pp. 609–665.
- Mikaelian 2013 — Mikaelian I. Cardinal numeral constructions and the category of animacy in Russian. *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. No. 1. Pp. 71–90.
- Pereltsvaig 2006 — Pereltsvaig A. Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. Pp. 433–500.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. Pp. 59–94.
- Pereltsvaig 2010 — Pereltsvaig A. As easy as two, three, four? *Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell Meeting*. Wayles B., Cooper A., Fisher A., Kesici E., Predolac N., Zec D. (eds). Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2010. Pp. 417–434.
- Pesetsky 2013 — Pesetsky D. *Russian case morphology and the syntactic categories*. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Preminger 2014 — Preminger O. *Agreement and its failures*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Rappaport 2002 — Rappaport G. Numeral phrases in Russian: A Minimalist approach. *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. Vol. 10. No. 1–2. Pp. 327–340.
- Rappaport 2003 — Rappaport G. The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology. *American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistics*. Timberlake A., Schenker A. (eds.). Bloomington, IN: Slavica, 2003. Pp. 149–166.
- Stowe, Kaan 2006 — Stowe, L.A., Kaan, E. *Developing an Experiment: Techniques and Design*. Unpublished.
- Былинский, Розенталь 2011 — Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука. 2011. [Bylinskii K. I., Rozental' D.E. Literaturnoe redaktirovanie: uchebnoe posobie [Standard correction: study guide] 3rd edition. Moscow: FLINTA: Nauka. 2011.]
- Востоков 1831 — Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова: по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. СПб: И. Глазунов, 1831. (URL: <https://books.google.ru/books/about/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1>

- http://www.vostokov.ru/ru/grammatika/Aleksandra_Vostokova_po_nachertaniyu_ego_zhe_sokrashchennoi_Grammatiki_polnee_izlozhennaya.html?hl=ru&id=JDhAAAAAYAAJ [Vostokov A. Kh. Russkaya grammatika Aleksandra Vostokova: po nachertaniyu ego zhe sokrashchennoi Grammatiki polnee izlozhennaya [Russian grammar by Aleksander Vostokov: based on his concise grammar, its more complete presentation]. Saint-Petersburg: I. Glazunov, 1831.]
- Голуб 1997 — Голуб И.Б. Стилистика русского языка: Учеб. пос. М.: Айрис-пресс, 1997. [Golub I.B. Stilistika russkogo yazyka: Uchebnoe posobie [Stylistics of Russian language: Study guide]. Moscow: Airis-press, 1997.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian nominal inflection]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Зализняк 1977 — Зализняк А.А. Обратный (инверсионный) словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. [Zaliznyak A.A. Obratnyi (inversionnyi) slovar' russkogo yazyka [Reversed dictionary of Russian language]. Moscow: Russkii yazyk, 1977.]
- Лютикова 2010 — Лютикова Е.А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9 «Филология». 2010. № 6. С. 36–77. [Lyutikova E.A. Towards the question of categorial status of noun groups in Russian. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. 2010. No 6. Pp. 36–76.]
- Лютикова 2015 — Лютикова Е.А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2015. № 30. С. 44–74. [Lyutikova E. A. Features, agreement, and structure of the Russian noun phrase. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2015. No. 30. Pp. 44–74.]
- Лютикова 2018 — Лютикова Е. А. Структура именной группы в безартиклевом языке. М.: ЯСК, 2018. [Lyutikova E. A. Struktura imennoi gruppy v bezartiklevom yazyke [Noun phrase structure in articleless languages]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2018.]
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е.А., Перельцвайг А.М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52–69. [Lyutikova E.A., Perel'tsvaig A.M. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation. *Voprosy yazykoznaniya*. 2015. No. 3. Pp. 52–69.]

- Мельчук 1980 — Мельчук И.А. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа (больше) на два мальчика или по трое больных // *Russian Linguistics*. 1980. Vol. 5. No. 1. С. 55–74.
[Mel'chuk I.A. About the case of numeral phrase in Russian collocations (*bol'she*) *na dva mal'chika* or *po troe bol'nykh*. *Russian Linguistics*. 1980. Vol. 5. No. 1. Pp. 55–74.]
- Мельчук 1985 — Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16*. Vienna: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1985. [Mel'chuk I. A. Surface syntax of Russian numeral expressions. *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16*. Vienna: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1985.]
- Микаэлян 2012 — Микаэлян И. Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука*. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 429–447.
[Mikaelyan I. L. About the category of animacy in numeral constructions in Russian. *Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety: sb. statei v chest' 80-letiya I. A. Mel'chuka*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2012. Pp. 429–447.]
- Пешковский 1914/1956 — Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1914; 7-е изд.: М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1956.
[Peshkovskii A.M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax from the scientific point of view]. Moscow, 1914; 7th edition: Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniya RSFSR, 1956.]
- РГ 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. [Russkaya grammatika [Russian grammar]. Shvedova. N.Yu. (ed.). Vol. 1, 2. Moscow, 1980.]
- Розенталь 1998 — Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. 5-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1998.
[Rozenal' D.E. *Spravochnik po pravopisaniiu i literaturnoi pravke* [Guide on orthography and standard correction]. 5th edition. Moscow: Kniga, 1998.]
- Шкапа 2011 — Шкапа М.В. Согласование определения с существительным при числительных два, три, четыре // *Проблемы русской стилистики по данным НКРЯ*. 2011. Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru/stylistics/numagr.html> [Shkapa M.V. The

agreement of adjective with numerals *dva, tri, chetyre*. Problemy
russkoi stilistiki po dannym NKRYa. 2011.]

Статья получена редакцией: 27.08.2018

Сведения об авторах

Лютикова Екатерина Анатольевна

д-р филол. наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры компьютерной лингвистики и формальных моделей языка МПГУ, главный научный сотрудник Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина

Ekaterina Lyutikova

Doctor of Philology Hab.; associate professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University; professor at the Department of Computational Linguistics and Formal Models of Language, Moscow Pedagogical State University; chief researcher at Pushkin State Russian Language Institute

Moscow, Russia

lyutikova2008@gmail.com

+79055161943

Герасимова Анастасия Алексеевна

магистрант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова; лаборант-исследователь лаборатории общей семантики Института современных лингвистических исследований, Московский педагогический государственный университет.

Anastasia Gerasimova

MA student at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research assistant of Institute for Modern Linguistic Studies, Moscow Pedagogical State University.

Moscow, Russia

anastasiagerasimova432@gmail.com

+79268769893